

Без России нет ничего... Нет самой жизни.

П. Н. Краснов. “Ненависть”

...без большого дела, идеи мы не народ, считай, а так, население...

П. Н. Краснов. “Заполье”

Они пытались построить социальное единство на ненависти...

Г. Уэллс (“Люди как боги”)

Одно время в интернете я находила однофамильцев и сопоставляла – кто они или кем они были на своих жизненных дорогах, какой социальный статус имели в разные периоды Российской истории. Совпадения часто оказывались столь поразительными, что сознание сразу начинало склоняться к восточной доктрине реинкарнации...

Правда, при таком подходе легко возникало искушение сравнения по признакам малозначимым, то есть некоторого самообмана с целью подтверждения мысли о странной симметрии и вечных повторах спирали истории...

А если у людей одинаковы не только фамилии, но совпадают даже имена и отчества, и оба – писатели, это ведь совсем удивительно.

Правда, первый Краснов Пётр Николаевич больше известен как генерал русской армии, атаман Всевеликого Войска Донского, политик, историк казачества, знающий тему досконально, благодаря личному опыту и потомственному родовому казачеству (видимо, именно его деду, тоже казаку, генерал-лейтенанту и к тому же первому в роду литератору, принадлежит поэтическое и грозное сочетание “Тихий Дон”).

Человек трагической судьбы, П. Н. Краснов предсказал в романе “Ложь” с пророческой точностью свою гибель. Это несмыслимое чёрное пятно в его биографии: уверенный в “диавольском зле Советов”, он служил на стороне фашистской Германии, после депортации в Москву был заслуженно признан предателем Родины, приговорён к высшей мере наказания и сразу же казнен: по определению Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 года, он не подлежит реабилитации. Можно искать психологические причины сотрудничества генерала с Третьим рейхом: это могла

быть идеализация борьбы Гитлера с “красной коммунистической заразой” и недооценка опасности нацизма. Можно даже предположить причины личные – положительное отношение и уважение к Германии могло быть следствием любви генерала к своей жене, происходившей из рода обрусевших немцев. Или генерала привела в стан врагов Родины его вера в то, что оставшиеся в СССР “бывшие” ждут освобождения, которое принесёт им постаревшая, но спасительная “белая армия” (это отражено и в его романах). Но чёрный факт остается чёрным фактом: сохранив воинскую верность дореволюционному “царю и Отечеству” (отечество – государство – отец), генерал Краснов предал Родину (земля – мать – душа) и, вспомнив ярого врага “окаянной” советской власти И. А. Бунина, отказавшегося сотрудничать с фашистами, спасавшего от арестов и русских, и евреев, закроем эту тему: душа генерала давно предстала перед Высшим Судом...

А мы читаем его прозу. И пусть это парадоксально прозвучит, но нельзя не признать, что П. Н. Краснов любил Россию всем сердцем, всей душой, так, как только может любить её одухотворённый верой русский человек. Как человек, не оравленный “новыми сомнениями”. И горькая боль за потерянную Россию – вечный лейтмотив его прозы.

О генерале Краснове-писателе хорошо отзывался А. И. Куприн: “У П. Н. Краснова есть о чём сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что всё, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъёмом в массовых сценах, с благородным пафосом”. Правда, Куприн отмечал и то, что порой П. Н. Краснов пишет “по старинке”, в формах и тонах, давно забытых нынешней русской литературой, которая, порой в ущерб вескости глубины и содержательности рассказа, дошла, с лёгкой руки (...) Чехова, до замечательной кропотливой выразительности в технике”.

Это “по старинке” проявилось и в тех характерах, которые показывает в своей прозе П. Н. Краснов: в них нет космоса светлых и тёмных противоречий, привнесённого в русскую литературу классиками XIX века: все его настоящие герои – именно герои, люди чести, веры и верности. Это, конечно, войны, которые служат своему Государю и своему Отечеству, “положившие живот свой “за други своя” на поле брани”, это русские интеллигенты, не примкнувшие к революционному движению, а хранители истории и православных традиций, поступающие всегда только так, как диктует им голос совести, это лучшие представители казачества, это духовенство. Не тихую покорность и смирение выбирает П. Н. Краснов, а гневное сопротивление: дед главных героев романа “Ненависть” (о котором пойдёт речь) – священник Пётр – отходит от патриарха Тихона, противопоставляя его кротости и терпению аввакумовский протест, оттого и величает его П. Н. Краснов “протопопом”, а не протоиереем.

Современная русская литература бедна на героическое. Главные персонажи мечтают о богатстве (в ключе эпохи победившего потребительства и авантюрных сюжетов) или о молодой любовнице (если герой приличного возраста). Романские дети так называемых “патриотов” учатся в Англии, проживают в США или в Германии... Единственным способом несогласия с властью золотого тельца выступает уход в самоизоляцию. Активная социальная роль героя в современных романах – раритет, и она чаще воспринимается критиками как ходульная или архаичная.

Причины просты: обмельчание личности писателя как такового, его зависимость от коммерческого спроса, от требований и вкуса не читателя, а издателя (!), от его собственной скрытой асоциальности.

Тем показательнее роман П. Н. Краснова “Заполье”. Его Иван Базанов – человек активной гражданственной позиции, главный редактор независимой антилиберальной газеты, выступающий в романе без всякого страха против экстремально-экстремистских перемен 90-х годов: распродажи (точнее – дарения) “своим людям” лучших государственных промышленных и ресурсных активов, присваивания гектаров земли, инфляции, которую население переживало как шок.

Читатель уже понял – это второй Пётр Николаевич Краснов – наш современник, известный оренбургский писатель, казалось бы, крайне далёкий от своего полного однофамильца, русского генерала, как по временным, так

и по биографическим, а главное, стилистическим параметрам: беллетристическая, по большей части трагическая проза генерала Краснова, его особенности как романиста отзываются и в “Хождении по мукам” А. Толстого, и в “Тихом Доне” М. Шолохова, причём у последнего гораздо больше родства с “казачьей” прозой и очерками о Донском казачестве писателя-генерала, чем с новеллистикой Фёдора Крюкова, с которой так часто сопоставляют генеральный роман Шолохова.

Так почему же возникла такая идея — сравнить два романа двух Петров Николаевичей Красновых: “Ненависть”, горестную семейную сагу, созданную в 1934 году (цитируется по этому изданию), и “Заполье” — яркий и тяжёлый современный роман?

Сразу конкретизирую, что, несмотря на временной промежуток, разделяющий романы, на беллетристические достоинства первого и тяжёлого, но очень интересную, инверсионную стилистику второго, оба романа имеют сходные — и весьма важные, если не главные — черты. Это очень выпуклый показ “переходной эпохи”: в “Ненависти” показана революция 1917 года, приход к власти большевиков и его последствия, в “Заполье” — зеркальная “революция 90-х”, которую некоторые рассматривают как завершающий этап контрреволюции, осуществлённый с помощью криминальных структур. Оба эти романа показывают разлом: в обществе, в семье, в отдельном сознании, причём оба писателя рассматривают социальные перемены как следствие победы “диавольского зла”. И, что очень важно, оба писателя выявляют главных действующих лиц кризисного времени, для меньшинства — победного, но для большинства — смутного и жестокого, и при сравнении оказывается, что не только настроения масс, но и персонажи на сцене эпох социальных катаклизмов — типичны! Например, революционер Драч — “мелкий бес” революции в романе генерала Краснова, Мизгирь — “мелкий бес” “лихих 90-х” в “Заполье”.

“Драч показал Малинину прорубь. Он продолжал, по-видимому, разговор, который они вели, когда шли вдвоём впереди всех через Неву. — Куда проще, товарищ. И никому неизвестно. Пойдём четвером — вернёмся втроём. — (...) Драч кивнул на подошедшего Володю, — вот его обязательно надо привлечь, чтобы настоящий припой сделать к партии. Такое дело — навеки нерушимо. Не развяжешься”.

Правда, Мизгирь несколько живописнее и ярче, чем того требует его роль, и его криминальные наклонности не идут дальше провокаций. На противоположном конце витка истории всё то, что было в годы установления советской власти проявлено крайне резко, стёрлось. Но тень повторяет оригинал.

Ведь типично и другое, точно показанное в двух романах: приход к власти “новых людей”, совершенно циничное их отношение к отдельной человеческой жизни, использование силы толпы, которая становится управляемой и умело направляемой, благодаря воздействию на коллективное бессознательное и на социальные болевые точки.

В “Ненависти” П. Н. Краснова перед нами очень хорошая, дружная, культурная православная семья Жильцовых: отец — преподаватель математики, которого прозвали Косинусом, деликатный, совершенно безобидный интеллигент, живущий астрономией и любовью к семье; жена его — дочь образованного священника отца Петра (это он потом изберёт себе не компромисс с новой властью, а гибель, произнеся гневную проповедь, обличающую большевистский режим). Трое детей: чудесная и чистая Женя — она будет долгие годы ждать своего жениха, молодого казачьего офицера, ушедшего на фронт в 1914 году, не веря, что он погиб, и умрёт сорокалетней на его могиле; её брат, сохранивший верность нравственным ценностям Гурий (Гурочка), единственный, кому удалось спастись благодаря эмиграции. О нём так ничего не узнают ни родители, ни сестра Женя, ни кузина Шурочка, с которой Женя будет идти по жизни рука об руку.

Но по семье Жильцовых проходит трещина, которая становится глубокой расщелиной: второй сын Володя (думаю, то, что он — тёзка Ленина, намеренный замысел автора) уходит из дома навсегда, став большевиком, более того — идеологом новой власти.

“Страшно сказать — новый человек!.. — говорит о нём его дядя Тихон Иванович (муж сестры матери). — Лоб низкий, узкий, глаза поставлены близко один к другому. Взгляд какой-то сосредоточенный и, заметь, никогда он

тебе прямо в глаза не посмотрит, а всё как-то мимо... Сам щуплый, плетью пополам перешибить можно, склизкий, а глаза, как у волка... Комок нервов". П. Н. Краснов создаёт не отдельный характер, а именно тип "нового человека", который способен легко и совершенно безжалостно смахнуть со сцены истории все духовные ценности прошлого и людей, сохранивших этим ценностям верность: у Володи не дрогнуло сердце, когда по его приказу его дядя и его сын Степан, то есть двоюродный брат, возглавлявшие антибольшевистское сопротивление на Дону, были замучены и казнены. Для справки: по исследованиям историка У. Германа, к 1925 году численность казаков сократилась с 4,5 млн до 2 млн человек. Уничтожены были почти все казаки старшего возраста...

Никакого раскаяния нет в душе Володи. Да и души-то у него давно нет. Только упоение властью: "Володя чувствовал себя прекрасно. Он был при исполнении священного долга перед партией и третьим интернационалом. Он испытывал тот самый административный восторг, над которым некогда на этом самом месте так насмеялся. Казаков он ненавидел лютою ненавистью".

"Новый человек", революционер-идеолог для генерала Краснова тот же преступник, только ещё более страшный, поскольку идеологизированный и зомбированный, а значит, не знающий мук совести и раскаяния. Он для него — слуга тёмных сил. Очень показательна сцена расправы с одним из первых "новых людей" — революционером Малининым, он бывший "председатель исполнительного комитета партии": Володя (который получил новую фамилию Гранитов) и "мелкий бес" от революции Драч без суда и следствия "убирают" старого большевика, который усомнился в целесообразности экстремистской линии партии. Причём, расправившись с Малининым, его соратники воруют из сейфа его деньги и оправляются в ресторан, где с хамским бахвальством пируют с советскими путанами и расплачиваются валютой: П. Н. Краснов точно угадал, что внутри как бы идейно-непреклонной партийной верхушки жил и расцветал порок — страсть к "роскошной жизни"...

А вот как в романе "Заполье" характеризует 90-е годы и пришедших "новых людей" наиболее честный бизнесмен Воротынцев: "сверхмасштабный разбой идёт, и люди знать это должны (...) всероссийский хам, он же и вор пришёл, воссел во власть, всё подмял под себя". Воротынцева, финансировавшего газету Базанова, человека "упорядоченного", "с идеей", думающего, бывшего "на голову выше окруженья своего", ждёт та же судьба, что и Малинина в "Ненависти". И это очень показательно для кризисных эпох — эпох радикальных перемен: "отыгравшую ладью" просто жестоко смахивают с шахматной доски.

Точно дают оба романа и картину настроений в обществе, и она тоже поразительно сходна: и чувство безысходности у интеллигенции, и ликование богемы, воспринимающей любое разрушение устоев как анархическую свободу, и равнодушие большинства к преступлениям, совершающимся у всех на глазах, и душевное оупение, полное отсутствие сопротивления новым порядкам у народа. В "Ненависти" толпа молча взирает на то, как расправляются большевики с честнейшим пастырем протопопом Петром, в "Заполье" Краснов — наш современник — просто печально отмечает, что сила сопротивления масс отсутствует: "не измыслили, даже не перекрестились вовремя, поскольку и грома-то не услышали, проблагодумничали, разве что первые намётки её у воротынцевых немногих. (...) Где-то, верно, зреет она, в недрах того растерянного и безответного, что народом раньше звалось и, казалось, было, — как ответ на глумление, одновременно же как "аз есмь" всем в нём, народе, разувверившимся или вовсе уже злорадствующим. Но вызреет, нет ли, а нам всё на себя принимать, ибо надеяться пока не на кого". Да, в 90-е годы людям месяцами не выплачивали зарплат, а они работали и молчали, пока их зарплаты наращивали капитал новых хозяевам...

П. Н. Краснов (генерал) показывает, что упадок, надлом, идейно-духовная трещина наметились ещё до 1917 года в обществе, отравленном кокаином и вином, жадной лёгкой наживы, а главное — сомнению в вере, и прошла эта трещина через каждую семью, даже столь любящую и, казалось бы, очень цельную, как семья Жильцовых. Это же отмечал в "Хождении по мукам" и А. Толстой: его Петербург 1914 года тонул в предсмертном танго...

Проходит трещина и по семье Базанова в романе "Заполье", и это тоже типичный кризисный знак "эпохи перемен", а не просто случайное совпадение.

Его жена, прельщённая демоном потребления, в конце концов, порывает с Базановым, лишая его даже возможности видеть крохотную дочь.

Вся семья Жильцовых, кроме большевика Володи Гранитова (отпавшего от семьи) и сумевшего добраться до Франции Гурия, гибнет: дед-священник растерзан на пороге храма, отец арестован и казнён, вскоре умирает и его жена, потрясённая горем и несправедливостью: “Матвей Трофимович! Добить, раздавить, уничтожить!.. Её Матвея? Кроткого и незлобивого “Косинуса”?.. Не может этого быть? Он враг?.. Он?!. За что?.. За что же?..” Женья и Шура, кухни, сохраняют душевную чистоту, но они не могут выжить в советском обществе 20–30-х годов, их надежда только на то, что придут “белые”: “Белые!.. Белые должны, должны придти к нам на помощь и спасти Россию и нас..” В образе Жени, хранившей всю жизнь верность своему жёниху, отзываются не только черты женщин-декабристок, но и сходство с самым удивительным, наверно, и самым величественным женским русским женским характером – протопопицы Анастасии Марковны, жены протопопы Аввакума.

Пройдя все испытания, Женья и Шура из “Ненависти” П. Н. Краснова сохраняют свою женственность, своё благородство, хотя советская власть отнимает у них всё. Даже квартиру, в которой жили Жильцовы, экспроприируют и делают коммунальной, оставив им одну комнату. Жизнь превращается в ад: “По утрам в коридоре устанавливалась своеобразная “очередь”, где мужчины и женщины стояли вперемежку. Руководствуясь ленинским лозунгом “Долой стыд!”, не стыдясь, кричали грубые, циничные замечания и слишком наглядно высказывали своё нетерпение”.

В конце романа читатель узнает, что посылки, которые анонимно присылал из Франции Гурий Жене и Шуре, уже не находят адресатов: значит, умерла не только Женья, но погибла и Шура..

В “Заполье” столь же сильна линия обречённости. Главный герой Базанов тоже гибнет – в романе он умирает от тяжёлой болезни, но фактически это гибель и его, и тех идей, которым он остаётся верен, символизирующая развал той страны, в которой он родился, жил и с которой духовно был идентифицирован. П. Н. Краснов в “Заполье” вольно или невольно проводит ту же параллель, что и его предшественник – между гибельностью и ненавистью, которую породило раздвоение в обществе, распад страны, личности, семьи, появление нового класса “имущих” и массовое обнищание большей части народа.

Ненависть и ложь – вот главные принципы, на которых базируется новая власть, власть большевиков, так утверждал П. Н. Краснов-генерал. Ненависть и ложь – вот что движет “новую политику”, вот что главенствовало в обществе 90-х, констатирует П. Краснов, наш современник: приходит ложь “как первейшее средство власти; а нет лжи – и власти нету”. Ненависть – эмоциональный лейтмотив романа генерала Краснова, ненависть несёт в себе главный герой “Заполья” Иван Базанов.

И вот что поразительно: оба романа посвящены социальному перевороту и его последствиям, но по идейному вектору – это совершенно противоположные исторические катаклизмы: в революционную эпоху (роман “Ненависть”), подрывая в народе все основы православной веры, разрушали храмы и безжалостно уничтожали священничество; в 90-е годы начинают возвращаться к православию и восстанавливать храмы. Первый из “новых людей” Воротынцев настаивает, “чтобы мэрия (...) отдала храм. (...) Общину создадим, – говорит он, – на это другие найдутся люди, счёт откроем на восстановление, объёмим.. Что вас смутило? (...) Всё просто: в ней прадеды ещё мои крестильсь, молились в меру смирения, а один дьячком даже в ограде похоронен.. где теперь та ограда? И плиты могильные, говорят, вывезли и распилили, пустили на бордюры, когда центральную улицу асфальтировали.. Нет, вспоминать пора – себя, своё”.

Но главное, противоположен основной вопрос двух социальных переворотов – вопрос о собственности: в “Ненависти” собственность у правящих классов “экспроприируют и национализуют”, в “Заполье” возвращают в частные руки. Вот что говорит Володя (будущий большевик Гранитов) своему дяде Тихону Ивановичу (будущему вождю антибольшевистского казачьего движения на Дону), приехав к нему в гости как родственник (это потом он порвёт все родственные связи): “Степан Трофимович Верховенский рассказывает про административный восторг. Так вот теперь я вижу, что в России есть

(...) Не может быть никакой собственности, потому что это, прежде всего, несправедливо...”

И какой же “административный восторг” он будет испытывать, став во главе кровавого рассказывания! Как упорен он в борьбе против частной собственности, сгоняя казаков в колхозы!

В “Заполье” мы видим обратное: руководитель крупного и процветающего колхоза Поселянин пытается сохранить его от раздробления и передачи в частные руки, ведь фактически в результате кризисных перемен 90-х годов была возвращена сама идея законности частной собственности, но, пока крестьянин, снова ставший жертвой смены власти, думал, этим воспользовались “третьи лица”, тут же сочинившие удобные для себя проекты”, “саму эту реальность меняющие, сами себе основанья готовящие”, которые упирались именно в возвращение заводов, газет, пароходов, а главное — земли и её богатств новому собственнику, что тогда же привело к резкому разделению страны как бы на “самых умных”, то есть очень богатых и на “лохов”, то есть обнищавшее население.

Традиция, на которую должна опираться газета Ивана Базанова, — та же, которую отстаивал и генерал Краснов — “белая, державная”: “Сословия, может, другие, но идея та же”. Правда, Базанов уточняет: “белая так белая. Но с красным подбоем” и, в отличие от радикалов-революционеров 1917-го, подчёркивает, что “молодое вино должно вливать нам в старые меха — дабы не утратить драгоценную закваску древнюю, все испытанья прошедшую”. То есть, если большевики разрушали до основания (это очень зримо в романе “Ненависть”), то лучшая часть тех, кто пришёл к власти в 90-е, всё-таки надеялась сохранить традицию. Традиция эта “проста: крепко сшитая словными взаимоотношениями и, само собой, взаимоотношениями страна”, свои национальные интересы, своя интеллектуальная и финансовая элита, которую ещё нужно “выстроить, преемственность наладить, ротацию”. “И вопрос вопросов здесь — как в ней совместить интерес личный с интересом национальным, державным? Как соблазны Запада преодолеть?”

Но Запад, равно как и Восток, способен дать только то, что мы сами готовы оттуда взять, а преодолеть требуется пошлость собственную, бездуховный толполитаризм, — и оба романа это показывают, — своё же первобытное восхищение “свободой” духовного “стриптиз-клуба”, “революционной вседозволенностью” и малокультурностью, попранием нравственных норм не чужими, а своими личными каблуками. В “Ненависти” П. Н. Краснов отмечает, что “эпоха перемен” ознаменовалась мгновенным падением нравов: пошлость, вульгарность, низкопробная музыка — вот что хлынуло на Санкт-Петербург, переименованный в Петроград. Опьянённая обещанными свободами толпа принимала всё это с восторгом. О том же свидетельствует и П. Н. Краснов в “Заполье”: “Пошлость вокруг давно обрела уже вполне законченные конституционные формы и статус, что и пришлось однажды вынести в заголовок злого от бессилья политфельетона, нарекиши её “основным законом” демократии...”

Ненависть, ложь, страх и пошлость — вот общие черты, характерные для социального шторма... Рушатся церкви или восстанавливаются, происходит рассказывание или восстановление казачьих кругов по всей стране, уничтожение дворянства или реанимация дворянских собраний, создание партийного руководства и партийных органов или, наоборот, “слом и партийного, и госаппарата на местах, — грязная пена на волнах одна и та же, одна и та же поднимается со дна тина: власть лжёт, народ безмолвствует, проходимцы наживаются, и в обществе вместо любви расцветает ненависть...”

Причём и у Краснова П. Н. -генерала, и у нашего современника определённая часть общества начинает воспринимать тех, кто верен старым традициям (и здесь не принципиально — каким, ведь все традиции выстраданы) как людей отсталых, проигравших.

“Боитесь сказать, что это вы от жизни отстали, да, вот вам и не нравится ничего... Ну, скажите, не так разве?!” — выговаривает Базанову его жена незадолго до развода. И, повторю, на поверхность волн выбрасываются бурей те же социальные типы, даже женские. Вот Алевтина, Тина в “Заполье” (вспоминается одноимённый рассказ Чехова), которая, так сказать, обслуживает сексуально только победителей, и, когда Базанов как главный редактор

становится ненужным власть предреждающим, бросает ему презрительно: “Перевести тебе, что такое лузер? Иль милей исконно-посконное – отброс, скажем?” Не той она была, когда Базанов оказался на гребне успеха: “Вернулась Тина, глаза шальные, красавица; раздурачилась, потом вспомнила, достала из сумочки прихваченную кассету и, ничего не говоря, сунула в магнитофон, врубила на полную... Оказалось – “Лебединое озеро”, хохоту было. Пошёл вертеп с раздвеваниями, танцами живота и прочим ню...” Сразу возникает параллель с “Ненавистью”: “Визгнула гармоника, заиграла плясовую. Развесёлый пятнадцатилетний парнишка колхозный “бригадир” выступил вперёд, пристукнул каблуками, сделал выверт и остановился, ворочая пьяными глазами и подмигивая Ульяне Ивановне. Та выскочила, стуча новыми козловыми сапожками с железными подковками...” Эта женщина “первою записалась в колхоз”, “спала с комиссарами и наезжим начальством”, “доносила на товарищей и изобличала “контру”. Её товарки и товарищи лютою ненавистью ненавидели, но ещё того более боялись её”. Кончина этой “большевистской гетеры” страшна. Но это тот же женский тип, что и Алевтина. Конечно, “зеркальный переворот” 90-х, слава Богу, не принёс такого количества жертв, как большевистский переворот 1917-го. Но и советская власть уже имела свои значительные достижения и прочные традиции. Историкам ещё предстоит собрать статистику смертности 90-х, ведь многие люди, выросшие в СССР, восприняли его разрушение как личную катастрофу, как гибель. Так, видимо, и Базанов в “Заполье”: он умирает. Он не видит, что в муках всё-таки возрождается, а не гибнет Россия, настоящая Россия, та самая, которую так любил казнённый генерал. “Всё то в ней, что в системе должное, извращено до своей противоположности полной, она сама подрывает базы свои, пожирает себя, в разврат всего и вся сваливается, в распад...” – горько утверждает Базанов, совершая, на мой взгляд, знаковую и катастрофическую ошибку: идентифицируя Родину с государством, а не с душой народа, не с национальным архетипом или родным пейзажем и небом над своим домом...

И когда умирающий Базанов говорит, что “только гражданская сможет выжечь дрянь эту всю и гниль компрадорскую до самых корней. Хотим мы или не хотим, а лишь беда великая очистить может, кровью невинных эти гнойники промыть”, я обращаюсь в прошлое – к роману “Ненависть”: в сравнении этих двух романов видишь истину: нет, не может быть спасения через кровь и гибель людскую...

Спасение и преображение – как человека, так и страны – не через разрушение, а только через созидание, через любовь.

Любовь озаряет и последние дни Ивана Базанова. Алевтине в “Заполье” противопоставлена Лиза, тоже вынужденная собирать сведения “для хозяина”, но страдающая от этого, считающая себя нравственно падшей, мучающаяся чувством вины и воспринимающая Ивана Базанова, уже смертельно больного, как своё духовное спасение через возникшую у них любовь (вспоминается Сонечка Мермеладова).

Женя в “Ненависти” тоже считает себя почти что падшей, но всего лишь оттого, что соглашается исполнить для большевиков песенку “Кирпичики”: у Жени так и не реализовавшийся вокальный талант. Не правда ли, между “падением” Жени и биографией Лизы, доносившей на посетителей своего шефа, огромная пропасть: Женя воспитана в религиозной православной семье, Лиза – дитя атеистической эпохи... Героини генерала Краснова – Женя и Шура, их мама, их тётя, жена Тихона Ивановича – это лучшие женщины, чистые, верные, не способные на малейшее предательство, но даже этих кротких и чистых женщин вдруг поражает, как болезнь, ненависть – не только к новой власти, к тому, что она им принесла, разрушив их жизни и судьбы, но даже к другу другу: после гибели отца мать со внезапной ненавистью смотрит на свою голодающую дочь, способную съесть на ужин продукты из пайка, который был приготовлен для передачи Тихону Ивановичу в тюрьму. Но краткие вспышки ненависти тут же гасит их способность любить и поддерживать друг друга, их вера.

Главного героя “Заполья” Ивана Базанова ненависть оставляет только в самом конце его жизненного пути: “И вот отчего: впервые за очень долгое время он был покоен в себе, и это-то, может, и придавало всему вокруг необычное, да, совсем уж необыкновенное для него то ль ощущение, то ли состояние даже, похожее на отраду, ему непривычное; в пору растеряться, ибо

и о ненависти он не забыл...

Не забыл, но её, кажется, не находилось уже в нём”.

“Это новая религия, – говорит большевик Гранитов. – Она будет сильнее христианства. Это и есть чистый социализм (...) Это будет!.. Партия сильнее правительства. Партия всемирна. Это вам не Христово скверненькое учение – это социализм чистой воды!.. (...) Там была религия любви... (...), здесь – ненависти!..”

Нет, возражает Шура, в этой “новой религии” нет красоты, а значит, она обречена. Через двадцать лет Женя скажет ей: “Они всё уничтожили, всё повернули по-своему... А вот природу сломить не могли”.

П. Н. Краснов (“Заполье”):

“Совсем неподалёку отсюда под тяжёлой наволочью небес ещё, должно быть, стонали над полями, тоске прощальной отдавались остатние журавли, всё чьи-то имена, невнятные имена ушедших выкликали; одиноко, на весь свет слышно скрипела перекошенная среди осеннего разора калитка в брошенной какой-нибудь деревеньке, и дождались ненастья, чтобы скорбно шуметь, окрестные перелески, как никогда покорной стала трава, – всё где-то рядом совсем, за мутной завесой дождя, в смежном бытии, куда всего, может, десяток шагов надо сделать, чтобы попасть...”

П. Н. Краснов (“Ненависть”):

“...уже совсем стемнело. Оранжевыми кругами фонари по улицам загорелись. Стало как будто ещё темнее, но вместе с тем и уютнее, и интимнее. Мягко и неслышно лошади по снегу ступали, быстро скользили бесчисленные санки извозчиков. Ласково раздавалось:

– Э-ей, поберегись!.. (...)

Высокие сосны, столетние дубы и липы островом стояли среди простора полей. Из-за полуразрушенной ограды с земляным валом и канавой был виден за плоскими болотами Петербург и казался призрачным, точно мерцал таинственным маревом. В дрожащей дали блистал купол Исаакия, белели колокольни и стены Новодевичьего монастыря. (...)”

И, закрывая два прочитанных романа, невольно вспоминаешь мудрое высказывание Конфуция: “Если ты ненавидишь – значит, ты побеждён”.

А любовь и красота противоположны ненависти. И непобедимы. И проступают они вечным светом сквозь все трагические эпохи.